

18+

В. Р.

**Разговор
с железным
унитазом**

V.R.

Разговор с железным унитазом

«Издательские решения»

В.Р.

Разговор с железным унитазом / В.Р. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512592-7

Молодая привлекательная девушка эмигрирует в середине девяностых вместе со своим мужем в Германию. Вскоре ее ждет развод и череда любовных отношений, одни из которых приводят ее к героиновой зависимости. Судьба девушки рассказывается на фоне эмигрантской жизни и судеб многих людей, попавших в те годы на чужбину. Иногда смешно, иногда грустно, бывает познавательно. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512592-7

© В.Р.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Разговор с железным унитазом

В.Р.

© В.Р., 2020

ISBN 978-5-0051-2592-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Солнце вот уже который день палит без передышки, так что днем все тело покрывается липким слоем пота и одежда обтягивает меня, заменяя скафандр. Потому что я хочу улететь, наконец-то покинуть эту планету и приземлиться где-нибудь на тихом марсианском острове, где меня не будет больше беспокоить вся эта суета. Когда человек живет в одиночестве, ему нужно как-то забыть окружающую действительность и хочется погрузиться в грезы, в которых осуществляются мечты.

Вместо этого я сижу на лавочке с надписью «gesponsert von der Sparkasse Munster», хорошая такая, добротная лавочка. Стоит она в тихом дворике, обнесенном забором с красивыми кованными завитушками. Только мне нет особого дела до этих завитушек, когда речь идет о жизни и смерти. Я каждый день теперь рождаюсь и умираю, как птица Феникс восстаю из пепла и продолжаю свой полет. Конечно, если есть горючее, если можно что-то дать двигателю.

Мы сюда частенько заходим с Лешей после трудового дня, здесь можно спокойно порыться в сумке и рассмотреть плоды своих трудов. Хотела было сказать трудов праведных, но осекусь.

– Леша, говорю я своему дружку, который расселся рядом со мной, нам пора звонить Вовчику. Он, наверняка, что-то уже привез. Эти слова я обращаю к своему напарнику и другу по несчастью каждый день, когда мы приходим на эту лавочку и пытаемся посчитать нашу добычу. Нет мы не охотимся на дичь и не считаем куропаток или подстреленных кроликов, в наших сумках обычно к концу дня собираются дорогие аксессуары, духи, мелкие электронные приборы и прочая ерунда, которую можно очень быстро продать перекупщикам краденного. Да, мы с Лехой целый день занимаемся тем, что ворует в магазинах, чтобы к вечеру у нас были деньги на покупку героина. Это только кажется, что наркоманы – это люди, которые ничего не делают и все время только кайфуют. К сожалению, доза сама каждый день с неба не падает. Наркоману нужно кормить свою зависимость, она требует постоянных инвестиций. Может инвестиции даже не совсем правильное слово, потому что инвестиции призваны возвращаться и приносить дивиденды. Героиновая же зависимость требует постоянных трат нашего времени, денег и смекалки и дает только краткосрочную отдышку в этом бесконечном марафоне за несколькими минутами счастья.

– звони Вовчику, говорю я Лехе. Он точно привез, я слышала, как он вчера договаривался с кем-то по телефону, съездить сегодня в Амстердам и там затариться.

– А покупать то не на что, нужно сначала товар сплавить, отвечает Леха, который сам бы не против сейчас уколоться, поэтому он понимает мою торопливость, но относится к ситуации более трезво.

В последнее время мы с ним неплохо сработались. Город Мюнстер в германской Северной Вестфалии дарил нам тень своего дворика после того, как мы целыми днями пытались облегчить карманы владельцев его бутиков и магазинов. Здесь за такую деятельность по головке не гладят, но и руки, слава Богу, как в некоторых восточных странах не рубят. Поэтому многие наши соотечественники очень даже успешно промышляют воровством в магазинах Западной Европы с целью... наверное, каждый со своей целью. Они, конечно, составляют

нам не шуточную конкуренцию. Эта ситуация напоминает мне раздел территорий влияния между Балагановым и Паниковским, с тем лишь различием, что в их случае, клиент раскошелвался в пользу сына Лейтенанта Шмидта по собственной воле, в нашем же приходится, все же вступить в конфликт с законом. Мы знали многих, кто так же участвовал в товарно-безденежном обороте. Каждый делал это как умел, и преследовал при этом какую-то свою цель. Наш друг Ашот, из солнечной кавказской республики мечтал повторить карьеру одного своего знакомого по имени Рустам. Ашот всегда с уважением отзывался о своем легендарном соотечественнике. Рустам, по рассказам Ашота, приехал в Испанию в поисках лучшей жизни, и узнал, что, трудоустроившись и прожив в Испании 3 или 4 года можно получить абсолютно легальный вид на жительство. Он поразмыслил и решил, что работать это будет ниже его достоинства. Поэтому он фиктивно устроился в ресторан помощником главного заместителя третьего официанта, после чего выехал в Германию. Здесь он попросил политического убежища, объявив себя оппозиционным политическим деятелем. Его дело приняли на рассмотрение, и до принятия окончательного решения дали разрешение на пребывание в стране. В это время Рустам обзавелся кооперативным предприятием по продаже дорогой одежды, аксессуаров и косметики. Единственное, что в его кооперативе отклонялось от принятых в торговле норм это то, что он товар не закупал, как это обычно делают торговцы, а брал его с робингудской наглостью с полок дорогих бутиков и магазинов. Он создал целую, слаженно действующую группировку, которая умудрялась работать с минимальными потерями. Это значит, что они редко попадались в руки правоохранительных органов. Дела шли вполне прилично, поэтому были деньги на хорошего адвоката, который правдами и неправдами смог многократно продлевать Рустаму разрешение на пребывание в стране. За несколько лет ему удалось собрать неплохой капитал, и дожидаться долгожданного срока, когда можно явиться в испанское управление по делам иностранцев и, предъявив документы о том, что он все эти годы усердно трудился в ресторане помощником третьего официанта и о том, что его поведение в это время в Испании было достойно всяческих похвал, потому что не выявляло ни одного задержания или судимости. С такими показателями можно было не боясь идти в органы местной власти и получать долгожданный штампик в паспорте, который являлся первым якорем у испанского побережья. Рустам привез с собой в Испанию небольшую сумочку денег, которых хватило на приобретение ресторанчика на берегу моря в курортном городишке. Ашотик, так же, как и его земляк приехал покорять Европу и познакомившись в Испании с Рустамом, который сыграл для него роль мудрого наставника и учителя, решил повторить его подвиг и совершить нелегкое паломничество на Германскую землю.

Кроме Ашота, по нашему полю бегала вся карта восточной Европы, что называется – до самых до окраин. Особенно полюбили Германию за ее либеральную юстицию братья поляки, прибалты, югославы, белорусы, и так далее вдоль и поперек финско-китайской границы. Я и Леша занимали в этом розарии жизни свою нишу. Мы работали в основном на дорогих аксессуарах, косметике, и одежде.

Самое главное на сегодня было позади, у нас в сумке было достаточно, чтобы прожить следующие пару дней. Теперь нам предстояло сбыть собранный за день товар и найти дилера, который сможет продать нам дозу. Если повезет можно закупиться на несколько дней вперед – эта задача тоже не из простых. Перекупщики краденного всегда крутят носом. Их интересует только самый ходовой товар – это лезвия на дорогие бритвы, насадки на зубные щетки, дорогой алкоголь, любые фирменные шмотки ходовых размеров, хорошая парфюмерия итд. Но и магазины знают, на что больше всего зарится наш брат, поэтому охраняют такой товар очень изошренно, а вещи попроще, которые можно вынести без особых проблем, перекупщики брать откатываются, говорят самим продавать некому. После того, как мы получим деньги за содержимое сумки, нам еще предстояло найти кого-нибудь из дилеров, у кого был на руках порошок. Их

приходилось часто менять, потому что время от времени их арестовывали и сажали. В основном торговали сами наркоманы. Те, кто еще в состоянии был ездить на закупки в Голландию или Бельгию, налаживая там связи с поставщиками, и перевозить все это через границу. Все думают, что в Европе нет границ, а на самом деле полиция прекрасно осведомлена об этих наркотических караванах и постоянно их отлавливает. Недалеко от границы стоят патрули в штатском, останавливают и обыскивают машины, в которых едут молодые люди группками от двух человек и больше. Приходилось искать таких контрабандистов на различных тусовках, ходить к уличным торговцам, нам не хотелось, хотя если прижимало, то бежали уже туда, где можно было достать наверняка. В основном на улицах торговали какие-то арабы или негры, мы с Лехой их недолюбливали, пытались иметь дело с русскоязычными.

С Лехой мы сошлись на общем горе, которое называлось героин. Когда тебе ежедневно требуется около 80 до 100 марок для поддержания, какой бы то ни было дееспособности, очень быстро приходишь к выводу, что такие деньги честным путем заработать, практически невозможно. Работа была творческой, каждый раз приходилось придумывать что-то новое, потому что магазины несли из-за нашей братии большие убытки и пытались как-то себя обезопасить. На каждую нашу уловку, магазинные охранники находили противодействие. Вначале мы заходили в магазин и один из нас отвлекал продавцов какими-нибудь вопросами, а второй просто нагло складывал интересующие предметы в обычный кулечек и уходил. Такие трюки работают в маленьких магазинчиках с дешевым товаром. Там, обычно, нет никакой охраны и работает один или два продавца. Позже мы все же решили увеличить наши прибыли, не превышая затрат времени, поэтому приходилось идти в более дорогие магазины, которые были оснащены камерами наблюдения, там стояли охранники, работали скрытые детективы, на вещах были прикреплены сигнализационные насадки. Здесь нужно было действовать более ухищренно. Например, Леша умудрялся в примерочной под свою одежду одевать несколько свитеров, маек, пару джинс и выходил из магазина как раздутый чебурашка. Немцы не знали кто такой чебурашка, поэтому внешний вид Леша вызывал у них законное подозрение. Через некоторое время мы несколько раз попались на этом трюке и решили сменить тактику. Использовали кульки, обшитые алюминиевой фольгой, которая заглушала сигнал сигнализационной насадки, которую крепят к вещам, чтобы она пищала, если ее не размагнитить, проходя через кассу. Бывало, просто обрезали эти насадки принесенными с собой плоскогубцами. Со временем нам приходилось разыгрывать целые операции: я брала с собой в примерочную несколько частей одежды, оставляла их там, а сама выходила из кабинки налегке. Детективы, которые следили за такими как мы, обычно концентрировали свое внимание на мне, пытаюсь сообразить, куда же сунула одежду, которую только что заносила в кабинку. Иногда несколько раз обыскивали, но без толку. Леша в это время брал еще пару частей верхней одежды и заходил в кабинку, в которой лежали оставленные мною вещи. Он одевал их под одежду, а свои выносил как законопослушный гражданин и вешал обратно на вешалку – как бы не подошли. Наши немецкие конкуренты действовали более изощренно. Был здесь один немец, он ходил по большим магазинам и присматривался, где продавцы проявляют больше всего терпимости к клиентам. Потом приносил с собой фирменный кулечек выбранного магазина, втайне от продавцов он брал с полки магазина интересующую его вещь и складывал в принесенный пакет, после чего шел к кассе. Там он рассказывал историю про то, как жена, не далее, как вчера подарила ему эту очень хорошую, но не подходящую ему по тем или иным параметрам вещь. Однако, признавался он, было неловко просить у жены чек на покупку, поэтому он просит продавца проявить кулантность к клиенту, и дать ему возможность вернуть деньги без чека. Он очень по-особому строил при этом глаза, и продавцам казалось, что семейное счастье ячейки общества в данный момент находится именно в их руках, и шли на этот шаг – отдавали ему деньги. Одним словом, каждый крутился как мог.

Что можно рассказать про Лешу. Он среднего роста парнишка, с русыми волосами и карими глазами. У него, наверное, была когда-то очень светлая белозубая улыбка, которую он теперь никому не показывает. Сейчас он редко улыбается, хочет быть похожим на зеков из сериалов про бандитов. Он никогда не стоял ровно на одном месте, всегда переминался с ноги на ногу, и сплевывал каждые несколько секунд. При этом пытался разговаривать на подслушанной в телевизоре фене, и щурил как-то странно свои карие глазки, желая произвести впечатление крутого парня. Леша был из Поволжья, и жил он там в небольшой немецкой деревне. Было у них большое хозяйство и много живности. Мать Лехи работала на ферме, а отец, в промежутках между отсидками, работал сварщиком на стройке в городе. Обычно он долго отсутствовал и мать говорила, что папа уехал на заработки. А потом папа и вовсе перестал приезжать, и 10 летний мальчик, подслушав разговор между мамой и бабушкой узнал, что папа «сволочь, падонок, негодяй», и даже «сука- не при ребенке будь сказано» – так сказала бабушка – в очередной раз сел. Тогда маленький Алешенька еще не совсем понял, что стоит за словом «сел», но из разговора стало ясно, что папы еще как минимум 3 года, а то и больше, не будет дома, и то только, если он будет хорошо себя вести. . . . – так сказал адвокат. В вопросы школьного образования мама Алексея сильно не вникала. Ни к самому Леше, ни к его старшему брату Сергею, никаких претензий по поводу школьной успеваемости не предъявлялось. Папа в свое время сказал, что в колхозе всегда требуются люди и что с голоду никто здесь не умрет – «Пойдут выучатся на трактористов и будут хорошие деньги

зарабатывать, все эти городские еще обзавидуются» говорил он. Ну а Леша, хоть и из сельской местности, но ломоносовкой тяги к знаниям у него не оказалось. Зато он умел исправно делать, полагающуюся ему работу, и регулярно возводился в ранги хороших мальчиков. Что же касается папы, который вроде бы куда-то или на что-то сел, здесь помогли разобраться школьные товарищи, которые жили по соседству, и пересказали Леше разговоры своих родителей. И он узнал, что в ту ночь, когда в их семье появился третий братик Витя, папа очень сильно напился, и достал с антресолей свою двустволку. Та оказалась незарегистрированной, но отказать себе в удовольствии устроить салют в честь рождения третьего сына, папа не смог. Леша даже помнил этот момент, когда папа объяснил двум братьям и теще, что сейчас он всем покажет, что в состоянии еще замастырить пацана, и пошел по деревне, оповещая всех соседей о своей гордости и стреляя при этом в воздух. В ближайшие три года Лешин папа больше не появлялся. На другом конце деревни уже поджидал милицейский уазик, и суд, позже, рассудил, что стрельба в общественном месте из незарегистрированного ружья в пьяном состоянии, и без права на владение огнестрельным оружием, учитывая то, что папа уже во второй раз сидел на скамье подсудимых, тянет на приличные 3 года. В первый раз отец Лехи отмазывал свой срок тоже по приличной статье. Придя из армии, он, как и полагается, простому сельскому парубку, обзавелся трудовой книжкой и женой. Жена, то есть Лешина мать, была на много лет старше его, достаточно непривлекательной внешности и по причине своей врожденной робости еще никогда не бывала в замужестве, поэтому боясь остаться в девицах, быстро и охотно отдала свое предпочтение единственному претенденту. Они счастливо зажили в доме, который достался им по дешевке, от соседей, переехавших в город. Отец Лехи в армии получил бумажку, что он сварщик, и с этой бумажкой он подался в город на заработки, а там в один прекрасный день напился и ввязался в драку с местными деятелями культуры и искусства, которые не захотели уступить ему место в очереди за пивом. Слово за слово, и обе стороны решили, что пора отвечать за базар, и ответ кончился 2 годами заключения за нанесение тяжелых телесных. Первый братик Лешки родился без отца, и как это водится в таких случаях, после возвращения назвал его дядей. Это папе, конечно, не понравилось, и он стал потихонечку аккуратненько покалачивать маму, упрекая ее в неверности. Ему все чудилось, что в то время, как он пилил доски, кто-то из деревни пилил маму. Несколько раз папа вылетал из дома «на все четыре» вместе с вещами, но каждый раз принимался обратно на постой, под твердое обеща-

ние больше не пить и не рукоприкладствовать. Тем более папа частенько уезжал на работу в город и дышать семье в это время становилось легче и обиды как-то быстрее сглаживались, когда папа возвращался с большой зарплатой. Когда в семье появился второй сын, его назвали Алексей, в честь чего мама была снова обругана и слегка получила по шее, с упреком, что второго она нагуляла. Правда это или нет, может сказать только всевышний и анализ ДНК, ни того, ни другого в деревне Путь Ильича не было в помине, поэтому вопрос долгосрочно остался на повестке дня, и не снимался до рождения третьего сына. Потом наступило облегчение в виду отсутствия папы. Лешенька, прилежный прежде в хозяйстве мальчик успел без отцовского присмотра прильнуть к группе сверстников, которые научили его дышать «правильным воздухом», и к приезду папы он уже мог похвастаться несколькими приводами в милицию, опытом потребления легких наркотиков и спиртных напитков. Папа больше не ездил в город, а нашел какой-то заработок в колхозе, и поэтому большую часть времени присутствовал дома. Если он не шел на работу, то с утра занимался хозяйством, днем за обедом выпивал несколько рюмок водки и после этого отправлялся в спальню. Туда же заказывалась жена для исполнения долга. Папа в тюрьме изголодался, и желал себе заслуженных утех. При этом, он по-прежнему считал маму шлюхой и, если выпивал лишку, колотил ее пуще прежнего. Мама не спешила заявлять на своего обидчика в милицию, потому что остаться в третий раз без кормильца и при троих детях и матери старушке не решалась. В деревне, в которой жил Леша начали происходить странные перемены. Многие люди начали продавать свои дома, и уезжать в Германию. Недвижимость резко подешевела, и когда Лешина мама вспомнила, что она тоже немка, о выгодной сделке с их домом не могло быть и речи. Но семейный совет в числе, мамы папы и бабушки постановил, что свои немецкие корни пора пересадить в немецкую почву. После долгого сбора и оформления документов, Лешина семья переехала в Германию. Мама с детства немного говорила на родном в семье языке, поэтому быстро научилась ориентироваться в дебрях немецкой бюрократии. А отец в это время, не обладая способностями к иностранным языкам, вспомнил, что Германия – это страна пива и начал пить с еще большей силой, оправдывая это тем, что хочется попробовать всего, коли уж есть такое разнообразие. Жили все прибывшие переселенцы в начале своего пути в сборочных лагерях. Это были здания казарменного типа, которые были разделены на отдельные маленькие квартирки по одной две комнаты, в

которых поселяли людей временно, но многие из них оставались там жить надолго. Казармы были расставлены так, что все поселение образовывало собой небольшой поселок, со всеми необходимыми коммуникациями. На территории можно было найти два больших магазина, несколько ларьков, остановку автобуса, административное здание и еще несколько культурных заведений типа небольшого на скорую руку оборудованного детского садика, и залов с партами для первого блиц-курса немецкого языка. В упомянутых магазинах самым ходовым набором продуктов, который пропускался через кассу, был бутылка водки, ящик пива и несколько батонов хлеба с дешевой колбасой. И в соответствии с этим, самым посещаемым местом этого поселка были некогда приятно оборудованные островки отдыха с лавочками, столиками, зелеными миниатюрными лужайками и прочей ненужной ерундой, на, под и в которую можно было удобно складировать пустые бутылки из-под дешевых алкогольных напитков. Для того, чтобы прилежные дворники потом их оттуда добывали. Утро в таких поселках всегда начиналось цивилизованно. Народ тонкими струйками тянулся к административному зданию. Там же выстраивалась очередь, из желающих получить социальное пособие, потребовать его увеличения, в связи с теми или иными обстоятельствами, подать просьбу о предоставлении наконец-то нормального жилья и прочее. Женщины по поводу посещения администрации одевали свои лучшие платья, образцы которых вы можете встретить только на прилавках сельхоз-торговых сетей Поволжья. Начищали свои золотые передние зубы до пущего блеска, и наносили такой макияж, с которым ни один человек в мире не сможет ошибиться в вопросе их происхождения. Мужчины же выходили, как и полагается в костюмах Адидас, с торча-

щей из-под куртки майкой, которая так и норовила открыть грудь своего владельца, а штаны выгодно отличались потянутыми коленками. Костюмы были предположительно китайского производства времен Мао Дзедун. Молодые юноши, являясь приемниками своих отцов, так же носили куртки Адидас, но заправляли их в штаны из-под школьной формы. Самые модные из них носили к своим школьным штанам ужасных расцветок рубашки, на которых были расстегнуты верхние пуговицы, и на груди обязательно виднелась, цепочка желтого металла, при этом обычно желтизна с цепочки в некоторых местах давала пробел. Пуговицы на рубашке должны были быть расстегнутыми примерно до, пупка, что показывало непринужденное отношение к жизни и какую-то особенную нравственную позицию носившего.

После процедуры общения с администрацией, кабинеты ее работников пополнялись матрешками, бутылками русской водки, флагами Советского союза и прочей дребеденью, которая была рассчитана как подкуп, для решения своих проблем. Те, которые посетители, деньги давать не решались. Да и жизненный опыт, накопленный в селах Казахстана и Поволжья, говорил, что с помощью бутылки все вопросы закрываются значительно проще.

В Германии действительно есть такое негласное правило здесь не берут мало. Если есть серьезное дело, в котором замешаны приличные деньги там, пожалуй, возьмут, а по мелочам здесь чиновники не размениваются. Чем лучше социально и материально защищены чиновники в стране, тем выше становится порог взяток, которые они согласны брать. А сувениры, привезенные с родины, брали охотно, и захламляли ими все свободные полочки своих кабинетов. Домой никто ничего с собой не брал — боялись быть обвиненными в коррупции. Здесь были и флаги советского союза, и всевозможные вымпелы «Спартак чемпион», и «ВЛКСМ» с Лениным, который на всех подобных изделиях упорно смотрел куда-то в сторону, плюшевые игрушки Чебурашки и Крокодила Гены, а также попадались самовары и расписные чайники. Но чего здесь было действительно в изобилии, так это всевозможных бутылок со сладким, полусладким, светло-коричневым и абсолютно прозрачным содержанием. Все мелочи, с которыми расставались люди, были сбросом лишнего балласта, который именно для подобных целей был сюда привезен. А вот расставание с внутренностью стеклотары было нелегким шагом. Все эти бутылки приходилось не только покупать за скудные деньги пособия, но и считаться с тем, что каждая капля, перекочевавшая на полки к чиновнику, была той каплей, которая не доставалась самому. А что прикажете делать простому советскому переселенцу в свободное от работы время? А если этой работы и в помине нет, и в ближайшее время не предвидится? А если он всю жизнь пахал землю, чинил трактора, разводил животных в своей родной деревне и был там всегда на хорошем счету. И гордился этим. А приехав сюда, стал человеком третьего сорта. Здесь остается только одно, вернуться в счастливую реальность. Родина такую реальность предоставить уже не могла, поэтому народ создавал ее себе сам. Сядешь на лавочку выпьешь по 250 в хорошую погоду или по 400 не зависимо от погоды, вспомнишь, как коленвал у трактора во время посевной на ходу менял, не останавливая при этом процесс дойки свиного поголовья, и хорошо тебе станет на душе. Поет твоя душа, прекрасную песню под названием «а вот у нас в колхозе была нормальная житуха»

Лешина мама быстро сообразила, что живет теперь в цивилизованной стране, и ей совсем не обязателен кормилец для того, чтобы прокормить и воспитывать троих детей. Она собрала его вещи, выгнала на улицу и подала на развод. Это обстоятельство очень плачевно отразилось на его психическом состоянии, и у Лешинога папы крыша поехала окончательно. Он переселился в общежитие, пил по-прежнему много и затаил сильную обиду на судьбу горькую, и на жену стерву. Ему позволялось видеть детей один раз в две

недели, при этом во время контакта с ними должен был присутствовать социальный работник. Жена объяснила суду, что была неоднократно избиваема мужем, поэтому не желает иметь с ним контакта наедине. Муж же, в свою очередь, несколько раз успешно являлся к жене

вне контактов с детьми, подкарауливал ее на улице, и сообщая ей, что она тварь и проститутка, которая ему изменяет с несколькими мужиками одновременно, и к тому же снимается в порнофильмах, которые, по его словам, отправляются контрабандой в Россию и Казахстан.

«Что гадина, позорить меня будешь, перед родственниками», спрашивал он и бил. На этом уж она решила поставить точку, пошла, сняла побои, и обратилась в полицию за защитой. Папу арестовали, посадили под замок, до выяснения обстоятельств. Так как подобного рода дебоши происходили уже не в первый раз, и состояние его психического здоровья показалось дежурному судье очень странным – он был бледен, агрессивен, не мог следовать нити разговора, и все время повторял, что бил он свою бывшую, потому что она проститутка, и позорит его на весь мир – суд назначил до судебного разбирательства поместить его в клинику для душевнобольных и назначить экспертизу. Психиатр, которого позвали для составления экспертного заключения, узнал от Лешиного папы, что жена его, проститутка, она снимается в порнофильмах, и спит там со множеством мужчин. Кроме этого, он говорил, что обладает абсолютно неопровержимыми доказательствами своим словам.

– Не могли бы вы ознакомить и меня с этими доказательствами – задавал вопросы эксперт,

– Конечно могу, отвечал Лешин папа – состояние его в этот момент значительно улучшилось, и выглядеть он стал спокойнее и вменяемей, потому что был напичкан всевозможными лекарствами, которые помогли ему немного потерять прежнее беспокойство – вы проверьте, у меня же есть все! И это все – документально подтверждено!

– Ну а как бы я мог посмотреть эти документы, на которые вы любезно ссылаетесь – не отставал доктор.

– Проверьте! Пойдите к ее лечащему врачу, и пусть он вам покажет историю ее болезни, и вы увидите, что ее не так давно оперировали, кроме этого шрам у нее остался на животе, после операции.

Он рассказывал эту историю каждый раз с налетом таинственности, и пытался при этом как-то настороженно оглянуться, не подсматривает ли кто-нибудь за ним. Потому что страшно боялся мести порнографической мафии, которая, по его мнению, готова была всеми силами защищать свою главную актрису, параллельно являющуюся его женой.

– Прекрасно – говорил психиатр – ну а как же, все-таки, факт ее операции доказывает ее причастность к проституции и порнографическому бизнесу, согласно вашему утверждению несколько минут назад.

Доктор же в свою очередь делал каждый раз вид, что верит каждому слову, и поддерживая подбородок рукой, на манер Фрейда, просил у пациента, подробно описать ему всю порнографическую сущность его жены.

– Да вы что доктор, не понимаете – возмущался обследуемый, ему даже обидно становилось, что к нему подослали такого бестолкового психиатра – Это же она мужской спермы обглоталась на съемках, ей кишки-то и скрутило. Вот она и попала в больницу. И, кроме того, как-то, когда мы помирились, я стоял в ванной, она туда зашла, увидела меня голым и пыталась сделать мне... Тут он заминался и краснел, как и во всякий прочий раз,

когда ему приходилось повторять эти доводы.

– Так, и что же она пыталась вам сделать, – заинтересованно спрашивал доктор

– Ну пыталась мой член в рот взять – проговаривал он тихо и очень густо краснел.

– Интересно, и что же, вы отказались?

– Конечно отказался, я не какой-нибудь там такой – умозаключал обследуемый- не лизунчик какой-нибудь и вообще, вот вам и доказательства, разве ж нормальная баба такое будет делать?

Некоторые доводы психиатра о том, что это в принципе достаточно распространенная практика занятия сексом в сегодняшнем мире, не привели двух собеседников к общему консенсусу, и папе Леша был поставлен диагноз, с которым прямо из зала суда он отправился в лечебницу. Уж не знаю зачем, может для того, чтобы ему там объяснили сексуальные практики 20 века...

Здесь можно было бы сказать, что ему повезло, что он не загремел в тюрьму за нанесение телесных повреждений. Но, во-первых, в честь первой судимости ему дали бы максимум условный срок, а во-вторых, даже если бы он и сел, его бы выпустили через какие-то смешные полгода. А вот из психбольницы выпускают только после того, как врач дает заключение, что больной здоров и можно быть уверенным, что ничего подобного тому, что являлось причиной его там пребывания больше не повторится. А таких результатов можно было ждать долгие годы.

Однако, своих позиций Лешин папа сдавать не хотел и не смотря на успокоительные медикаменты и терапевтические усилия приписанного психиатра, по-прежнему стоял на своем и требовал, чтобы из желудка жены взяли пробу, утверждая, что там обязательно найдут сперму. Сколько ему довелось пробыть в больнице, история умалчивает и Леша этого не знает, потому что уже перестал интересоваться судьбой папы.

Сам Леша начал свою карьеру скромно и получил свою первую судимость в Германии за нанесение материального ущерба госимуществу. На суде двое полицейских показали, что проезжая на патрульной машине заметили молодого человека, которого они однозначно признают в лице обвиняемого, как тот наносил краской на стене здания по улице такой-то с таким-то номером большого размера буквы «Х» и «У». И в тот момент, как вредитель собирался продолжать пачкать чужое имущество он и был остановлен и задержан. Вот уж не знаю, что подумали полицейские про парня в спортивных штанах, почти не говорящего по-немецки, выписывающего на стене буквы «икс» и «игрек». Может, решили, что молодой человек, как раз хотел написать математическую формулу. Или название музыкального инструмента – «Xylophon». Здесь все участники процесса остались при своих догадках.

Дальше, когда его послали на курсы изучения немецкого языка... Вообще, нужно сказать, что эмигрантов часто и охотно куда-то посылают, на курсы языка, повышения квалификации, на всевозможные бесплатные и платные практики – приукрашая, таким образом, статистику по безработице и отгоняя их с глаз долой из очередей в кабинеты бирж труда. Там он познакомился с такими же как он чудными ребятами из казахских и поволжских деревень, которые тоже с трудом могли разглядеть бриллиантовые перспективы будущего на исторической родине. Зато от пособия, выплачиваемого за посещение всевозможных курсов, оставалось пару копеек в кармане, и свободное время имелось у каждого из них в неограниченном количестве. Сначала они добропорядочно подражали своим отцам, и пили пиво, водку и другие прохладительные напитки, дабы протиснуться обратно в тот смысл жизни от которого они так благополучно сбежали из Советского Союза. Ходили на дискотеки, устраивали там драки – что напоминало им времяпрепровождение в родных сельских клубах на выходных, когда в один центральный клуб собиралась молодежь из различных сел и била друг другу морду под музыку Песняров. Не потому, что они не любили друг друга, а потому, что им просто было нечего делать. Та же картина занятости свободного времени наблюдалась и здесь. Местные немцы, однако, не знали, что бьют их, забирают у них кошельки сигареты, часы, мобильные телефоны эти странные, говорившие громко и на иностранном языке парни не со зла, а потому, что они так привыкли отдыхать и наслаждаться жизнью. Местную молодежь это огорчало, и они, как

и полагается добропорядочным европейским мальчикам и девочкам шли в полицию. Полиция в свою очередь, если находила виновных, отдавала их под суд. На суде чаще всего русскоговорящим мальчикам выносили мягкие приговоры. Адвокаты объясняли судьям, что их подзащитные жили в Советском Союзе очень плохо, их там избивали дома отцы, поэтому они не виноваты, что у них самих руки не перестают чесаться. Дальнейшее развитие событий не заставило себя долго ждать. Невероятное количество свободного времени, неумение его с толком применить, жажда легкой наживы и привлекательность денежных единиц, на которые можно было купить здесь значительно больше, чем в сельмаге родной деревни, сделали свое дело. Леша познакомился на дискотеке с ребятами, которые хорошо одевались, ездили на машинах, позволяли себе спиртные напитки прямо на дискотеке. Здесь нужно заметить, что основная часть Лешиних друзей покупали спиртное в преддверии похода на гулянку, и выпивали его из пластмассовых стаканчиков непосредственно перед дверями заведения. Ребята предложили оттянуться и сунули в руки шприц. Леша не смог отказать крутым товарищам и в первый же вечер знакомства вколол себе содержимое шприца в вену. Карьера развивалась стремительно... он начал ездить на закупки, потихоньку продавать, и себя при этом не забывать. Ему нравилась такая жизнь – крутая тусовка, доступная наркота и пару копеек в кармане, которые перепали ему при перепродаже. Вот так он попался во второй раз. Всю группу молодых людей приняли на перевозке, товара из Голландии. Леша был в группе недавно, проходил по подобной статье впервые, и имел неадекватного родителя в психушке, за что и был приговорен к условному сроку. Кроме этого, он дал чистосердечные показания, что и послужило причиной санаторного отдыха его подельников. После этого брать героин стало негде, поэтому он прибил к нашему предприятию, по добыче дорогих аксессуаров дешевым способом.

Познакомились мы с ним при банальных обстоятельствах – у нас был общий дилер, у которого мы покупали наше треклятое зелье. Он решил меня немного подкадрить... окупить, как это называется на жаргоне, его окружения. Это ему как раз не удалось. Так пару раз за зад попытался пощипать, да под лифчик залезть, а сделать толком так ничего и не смог, я не дала. Его деревенские повадки не вызвали в моей душе нужных вибраций.

– Вован уже приехал, наверное, мне уже что-то не по себе, говорю я Лехе.

– Да, ща позвоним, отвечает Леха, он сегодня в Бельгию ездил, говорит, там какого-то барыгу нашел со скидкой. Так что думаю приедет сегодня немного позже. Самому уже пора.

– Надо звонить, если не ему, так может Женьку. Они там тоже пару дней назад где-то закупались.

Гудки в мобильном телефоне говорят мне, что линия свободна, и мне остается только ждать своего абонента.

– Але, Женек, это ты? Спрашиваю я, когда трубку на другом конце наконец-то снимают.

– Ага, че надо, отвечает трубка голосом Женька.

– Есть у тя че? Спрашиваю я.

– Ну, – красноречиво признается он.

– Мне бы 200 грамм, картошки фри.

На другом конце Женек понял, что нужно мне два грамма героина. Так мы пытаемся маскироваться на тот случай, если нас или дилера прослушивает полиция.

– Ну заходи, только барахло мне свое не носи, мне баблом нужно, у меня чел, который ваши кишки принимал, на родину откинулся.

Ага, понятно, значит Жекиного перекупщика приняли и депортировали на родину. Расшифровываю я для себя. и вешаю трубку.

– Ну что ж облом у нас с Жекой, объявляю я Лехе. Нужно наши богатства в золото переплавлять, за товар нам ничего не светит.

– Мда, облом... значит нужно....

– Опа.... Вот это настоящий облом, говорю я Лехе и показываю пальцем на группу товарищей в иноформенных рубашках, продвигающихся к нашему скверику. Бежать отсюда некуда, выйти можно только через ворота, а к воротам как раз приближаются «блюстителители». Как они нас нашли, остается загадкой, только если разве, кто-то навел. Сердце у меня начинает учащенно биться, чувствую, как холодок пробежался по моему лбу. Как-то мне не по себе становится... Причем, боюсь я не их возмездия, боюсь я того, что теперь мне дозы не видать и снова начнутся ломки. Я панически боюсь этого невыносимого состояния, когда ничего в этой жизни тебе не может помочь, когда ломает и выкручивает все кости, и хочется выть на луну. Я ненавижу себя за эту зависимость, и еще больше я ненавижу себя, за то что ничего не могу с этим сделать, и за то что я с Димкой связалась, думала, что люблю его, что смогу построить с ним свое счастье... Одним словом, прокрутила всю свою биографию, нашла ошибки, выявила недостатки, но исправить их уже не успела. В этот момент, Леша подорвался с места, и шмыгнул через высокий забор в задней части двора.

– Вот сука, подумала я, если уже смылился, так хоть сумку бы прихватил, улик бы не было...

– Документики покажите пожалуйста, и сумочку вот эту, которая рядом с вами, откройте. Это же ваша сумочка...

– Да, отвечаю я через какой-то смутный туман, помутнивший мое сознание.

– Прекрасно, говорит голос, именно это мы и искали... Вот это и это, уже объявлено, как украденное... А чеки у вас есть на все ваши покупки? Спрашивает меня человек с кобурой на поясе.

– Нет, отвечаю я, я нашла эту сумку здесь, начинаю выкручиваться, хотя прекрасно понимаю, что там обязательно имеется куча свидетелей или еще лучше видеозаписей с моими подвигами.

– Ладно, пройдемте с нами.

– Заходите пожалуйста в камеру, говорит мне пожилой надсмотрщик в зеленой полицейской рубашке.

Меня привезли в полицейское управление, и предлагают посидеть в камере, пока господин полицейский найдет время меня допросить.

«Мда... думаю я про себя, поразительная вежливость, всё-таки у этих немецких полицейских. И тебе пожалуйста и тебе спасибо, и пройдемте...». Чувствуешь себя человеком.

!!

Сажу в отдельной камере. Меня окружает шикарный мебельер, как в лучших домах Лондона и Парижа. В углу находится, даже не могу сказать, что стоит, именно находится бетонный выступ, на который если что-нибудь постелить, должен служить кроватью. Стены вокруг разукрашены летописными фресками с применением языковых оборотов нашей современности на различнейших языках мира. Такая мультиязычность встречается только в тюрьмах западных стран. Здесь можно действительно наблюдать слияние всех культур нашего шарика. Если то, что там нацарапано, можно считать культурой. В другом углу стоит настоящая гордость этого помещения, металлический, матово-блестящий, не испорченный в своем великолепии никакими крышками или аксессуарами, удивляющий своими обтекаемыми формами и наконец привлекающий своей интимностью УНИТАЗ.

Делать пока что нечего... Сажусь на так называемую кровать, и смотрю на это чудо сантехнического искусства.

– Хороший ты парень, говорю я ему, унитазу, то есть. Сколько жоп на тебе пересидело, сколько всяких козлов ты на себе перенес, а только ты все больше и ярче от этого блестяшь.

Вот это я называю приспособленность к жизни. Не то что у меня... Со мной брат, все как раз наоборот.

– я, дружище, приехала из Советского Союза. Ты, наверное, и знать не знаешь, где такая страна есть. Там я и выросла, и жила пока не вышла замуж и не приехала к тебе сюда в страну Германию, где в тюремных камерах стоят железные унитазы.

А замуж я вышла за Мишку. Мы с ним учились в одном институте, только он учился на адвоката, а я на экономиста. Познакомились мы на студенческой вечеринке у одного общего знакомого. Мишка был пухленьки еврейским мальчиком с кудрявыми черными волосами, и очень умными глазками. Это случилось на третьем курсе, и к тому времени мне просто было бы грех жаловаться на отсутствие опыта в общении с мужчинами. Я довольно рано начала позволять себе увлечения мужским полом. Недостатка мужского внимания я никогда не знала. Слава богу, внешностью меня всевышний не обделил, и вокруг меня всегда находились мальчики, с которыми мне было интересно разделить отрезок жизненного пути. Первый раз я ощутила на себе мужское внимание, когда мне было 16 лет, тогда же я и воспользовалась этим вниманием, чтобы вступить в клуб продвинутых девочек. В один прекрасный весенний день я возвращалась из школы, и в подъезде моего дома меня окликнул знакомый, но уже какой-то забытый голос.

– привет, донеслось мне вдогонку, когда я поднималась по лестнице.

Я обернулась и увидела Кольку Смирнова из 15 квартиры. Мы с Колькой выросли вместе в одном подъезде и не раз играли в войнушки и в дочки матери. Когда я видела его в последний раз, он был славным мальчиком, который напился на своих проводах в армию, и пел песни во дворе нашего дома под медленное завывание аккордеона его бабушки. А я смотрела на него из окна моей комнаты и думала, какой же он все-таки дурак, что так напился. И жалко все-таки, что теперь не с кем будет ходить в разведку. Так я думала, когда мне было 14 лет, а когда он в мои 16 вернулся из армии, в моих глазах он превратился в бойца, с которым не в атаку хотелось пойти, а скорее стать медсестрой и носить ему в больничную койку компрессы и везде ему их прикладывать. В этом нежном возрасте я на практике познакомилась со словами «Камасутра» и «инфляция». Про инфляцию все время говорил мой папа, когда приходил домой в подвыпившем состоянии и ругал новых русских и жидомассонов. А еще он говорил, что Горбачев принес нам на своей лысине красный фонарик, о котором мы думаем, что это свет в конце нашего туннеля, а на самом деле это самый натуральный бордель. В любом нормальном Борделе перед входом висит красная лампочка, чтобы все знали, что находится за дверью и что там делают с его обитателями. Вот так и у нас сейчас, громогласно возмущался мой политически прозревший отец, он ездит по всему миру светит там своим красным пятном, чтобы все знали, что там можно немного заплатить, и трахать эту гребаную страну и всех ее жителей вдоль и поперек. На мои вопросы «что это такое- инфляция», он толком ответить не мог, наверное, сам не знал. Зато, он точно знал, что проклятые комуняки извели державу, и теперь жируют на народные деньги. В конечном итоге я про инфляцию догадалась на кефире. Да нет, я на нем не гадала, как на кофейной гуще. Я просто любила пить кефир по утрам, и моя мама посылала меня ежедневно в молочный магазин. Каждый день она мне давала сумму денег больше, чем в предыдущий, и все равно, почти всегда на кефир не хватало. Вот тут-то я и поняла, что такое инфляция.

С Камасутрой все было еще проще!

– Ну что, как твои дела, в войнушки еще играешь. Услышала знакомый голос Кольки

– Да нет, уже как-то не до войнушки- ответила я неуверенно, а самой хотелось броситься ему от радости на шею и поцеловать, ведь мы так давно не виделись с моим однополчанином.

– А сам-то как, уже навоевался небось? как служилось-то – поинтересовалась я, пытаюсь удерживать суверенитет в общении со старшим по званию и уже немного далеким от меня Колькой

– да все, вроде, слава богу, отчитался Колька, пойдём ко мне, я тебе фотки мои со службы покажу, парадку примерю, предки как раз разбежались. Чаек погоняем. Раньше, до его службы я частенько заходила к Кольке, мы обычно рассматривали картинки из вражеских каталогов, которые держал у себя под кроватью его старший брат, слушали музыку, и пили молочные коктейли, которые прекрасно готовила Колина мама. В этот раз, до коктейля дело не дошло. Он достал свой альбом с фотографиями, посадил меня на диван, а сам сел рядом, чтобы объяснить, сколько литров пива мог выпить отображенный на фотографии подполковник Клюшко. Сильно далеко по офицерскому составу Колькиных военно-начальников мы не продвинулись. На каком-то прапорщике, Коля обнял меня нежно за талию, а прапорщик мог уже лицезреть со своей фотографии горячие поцелуи, и руки своего бывшего подчиненного у меня под блузкой и в моих трусиках. Остальному офицерскому составу не досталось ровным счетом ничего, потому что альбом был отброшен в сторону и соски на моей груди впервые ощутили на себе мужские губы. Я даже и не знаю, как описать свои ощущения от этого первого раза. С одной стороны, было приятно, когда крепкие Колины руки двигались по моему телу, он жарко дышал и слюнявил мою кожу. В романтических книжках и фильмах это называется ласкал, лобзал, целовал, но это все в книгах и на экране, а мне почему-то казалось, что он слюнявил. Когда же он стянул с меня трусики, и оголил свое достоинство, здесь я погрузилась в туман. Голова перестала соображать, я почувствовала сильное сердцебиение, но не от возбуждения, а от того, что каким-то двадцать четвертым чувством понимала, что сейчас будет происходить нечто, что уже так хорошо было известно по картинкам, статьям в энциклопедии и разговорам взрослых девчонок во дворе, но все же такое чуждое, непонятное, и, наверное, запретное. Я замерла как будто на операционном столе и ждала, что врач проведет хирургическое вмешательство без осложнений. А потом выйдет к родственникам в больничный коридор, и утерев со лба пот, скажет: не переживайте жить будет. Коля действительно оказался опытным героем любовником, как минимум ему хватило опыта уберечь нас от преждевременного потомства. Потому что моя мама, в таком случае убила бы и меня и оперирующего хирурга одним махом скальпеля. Позже я его спросила, откуда такая прыть и такие познания. Он рассказал, что служил он водителем у одного штабного начальника. И было у этого начальника огромное пузо, и очень молодая жена. Звали жену Люся. Когда ей было 16, она поступила в педучилище и в 18 перед самым его окончанием, как и полагается советскому педагогу выскочила замуж за лейтенанта. Ибо гласит народная мудрость – хочешь стать женой генерала, выходи за лейтенанта. Мудрость дело хорошее, но лейтенанту Володе пришлось служить в очень отдаленных местах нашей родины, и с утра до ночи ездить там на танке. А Люсе пришлось в это время обучать детей старших классов литературе и русскому языку. Она хоть и не имела для этого соответствующего образования, но для местной школы она была одним из самых квалифицированных специалистов. Пока муж ехал на танке за званием старшего лейтенанта, жена Люся не могла отказать себе в удовольствии общения с преподавателем математики, и еще с холостым капитаном, сослуживцем Володи. Когда живешь в столь узком пространстве, все тайное очень быстро становится явным. Вот так и Лейтенант Володя очень быстро стал героем рогоносцем, но предпринимать против своих соперников от трусости и слабости духа ничего не стал. И вскоре стал для Люси неинтересен. Как раз в это время подвернулась возможность сделать скачек по карьерной лестнице, и она охмурила одного заезжего, городского полковника. Как объект мужского пола он ее не интересовал, а как путевка обратно в город, да еще к обеспеченной жизни, вполне устраивал. За время совместной жизни полковник с каждым годом прибавлял по одному размеру, и к тому времени, как Николай заступил к нему водителем, сел в свою служебную машину в два присеста, сначала сам, а потом уже заносил свой живот. А Люся в это время

работала полдня в библиотеке, а остальное время, да и во время работы тоже, искала себе приключений. Колька стал одним из них. «Солдат спит служба идет», это совсем неправильное утверждение, говорила она Коле, когда тот лежал рядом с ней в полковничьей кровати и отблескивал капельками пота на лбу. Здесь значительно правильнее было бы сказать «солдат спит с женой начальника, а служба идет». Вот так и получилось, что покинул Коля свою службу в звании старшего сержанта, с автомобильными правами на все категории и со знаниями основ Камасутры.

Мы стали с Колей встречаться. Я очень сильно подняла свой рейтинг у дворовых девчонок, потому что ничего не может поднять твой рейтинг так высоко, как секс с парнем, награжденным дембельским билетом. Позже Колька уехал учиться в другой город, и мы договорились друг друга не ждать, и определить наши отношения, как приятное время и чудесный жизненный опыт. С колей я научилась получать удовольствие с мужчиной, он научил меня вести себя в постели без комплексов, не стесняться своего незнания или своих недостатков, а просто брать от мужика все что возможно, и самой не скупиться и не лениться. После Коли я завязала пару романов со старшекурсниками политеха. Будучи еще старшеклассницей, я часто ходила туда на вечеринки, и мне нравилось водить дружбу со студентами. Снискала себе, таким образом, в комсомольских кругах звание неблагонадежного элемента.

Благополучно окончив школу, я подалась в студенты. Благо, мама моя работала завскладом на крупном предприятии и имела в городе связи, с которыми можно было не то, что в институт поступить, а устроить социалистическую революцию в США, но моя мама ограничилась институтом для дочери. Я пошла становиться экономистом. Здесь, справедливости ради, нужно добавить, что и без маминой помощи я прекрасно поступила бы в институт. В школе я неплохо училась и науки давались мне относительно легко. Но мама не стала испытывать нашу систему образования на справедливость, и позвонила своей знакомой

Мамино предприятие еще не закрыли, а преподаватели в силу наступивших экономических сложностей охотно принимали подарки и денежные знаки. Особенно в ходу в обмен на оценки и сданные зачеты были консервированные морепродукты, в виде красной и черной икры, импортные шмотки дорогой алкоголь и парфюмерия. Недаром в советском союзе было объявлено, что образование оплачивается государством. Так оно и получилось, мое образование государство оплачивало через мамин склад.

Мой папа был бульдозеристом и вместе со своим бульдозером любил подзаправиться и сам. Мама познакомилась с ним в его лучшие годы, когда он только закончил свое училище, и должен был уйти в армию. Мама тогда работала бухгалтером и ждала папу из армии, дождалась его и вышла замуж. Отдав долг родине папа пошел работать на карьер и проработал там честно до тех пор, пока его не разжаловали. Новые владельцы карьера закупили импортную, очень дорогую технику и пригласили психологов, который должны были провести тесты на пригодность к работе на дороговоалюютных машинах. В день теста папе сказали, чтобы ни грамма, ни капли, не дай бог начальство заметит или занюхает. Вот папа и пришел на тест в очень плохом настроении. Когда ему предоставили задание вычеркнуть лишнее слово из словесного ряда «Вода, ручей, спирт, море», папа заявил, что «спирт», как истинный русский патриот, вычеркивать не будет. Сказал он это в шутку, как бы по зову души, а в должности его все же понизили и оставили работать на старой советской технике. С соответствующим окладом. Папа, конечно, очень осерчал. А после его и вовсе уволили за то, что явился на работу в нетрезвом виде и запутал какие-то там тросы, на которых крепится стрела бульдозера. Начальник участка долго ходил возле этого гордиевого узла, который образовался из тросов папиного бульдозера, глотал воздух как рыба, выброшенная на берег. После продолжительной паузы, во время которой начальник участка представлял себе сцены из порнофильма, в котором ему будет отведена звездная роль на ковре у начальства, он вымолвил первое слово в этой гоголевской сцене.

«ЛИТРА» сказал он. После того, как папа оторвал от сердца целую литру, его все же турнули. А литра осталась у начальника, тот сказал, что это будет возмещением экономического ущерба, который папа нанес предприятию. С маминной помощью он устроился служить в ГАИ. Мама рассчитала, что так папин взнос в семейный бюджет значительно возрастет и хочешь не хочешь, а милиционер это все же власть. Он начал приносить полные карманы рублей и трешек. И сказал, что в милиции, особенно в ГАИ с выпиванием строго, поэтому его коллеги, и он в том числе, выпивают только, если на то есть повод. Вскоре выяснилось, что в службе ГАИ на самом деле не так уж много поводов, по которым можно выпить. А именно их всего два. Первый повод, это если идет дождь, и второй повод, соответственно, если дождь не идет. И был еще один третий, это день милиции, но он наступал так редко, что оставался за скобками. Именно в таком жестком графике наш папа и стал выпивать на своей работе.

11

На третьем курсе у меня появился постоянный ухажор. Я уже о нем рассказывала, его звали Миша. Не могу сказать, что он мне понравился с первого взгляда. От него не пахло самцом. Вот это, пожалуй, главный вывод, который я сделала, после первого свидания. Он был очень мил, с хорошим чувством юмора и изысканными манерами, играл на гитаре и в преферанс. На нашем втором свидании, на которое я пошла ради спортивного интереса он читал мне вечером в парке стихи Ахматовой, и рассказывал забавные истории, повел меня в дорогую закусочную и принес мне букет цветов. Мне было приятно его общество, но чем больше он вот таким изысканным манером ухаживал за мной, тем меньше я могла себе представить лечь с ним в постель. Мне почему-то казалось, что он обязательно будет как-то странно дышать мне в ухо и произносить слюнявые фразочки, а руки у него будут при этом потные и скользкие. Я буду наверняка вырываться, а он будет, стоя на коленях, и держась за мою юбку умолять меня быть благоразумной.

Как бы не так. Он очень красиво ухаживал за мной, дарил мне подарки и цветы, нежно целовал мои руки, обнимал меня за талию, так, как будто хотел растопить мое ледяное сердце и никакая стерва, даже такая как я, не могла остаться к этому равнодушной. Когда у нас случилось все в первый раз, я уже не исполняла роль снежной королевы, которая, так ради своего развлечения допустила к телу очередного падонка. Все было совершенно иначе, я крепко обняла его, поцеловала и сама стала расстегивать его рубашку...

Многие мои ухажеры оставались для моих родителей инкогнито. Те, которые пытались склонить меня к походу в Загс, отшивала сама. Происходило это быстро и безболезненно.

– Слышь, Вася, Коля, Петя... говорила я им, еще не хватало мне твои носки стирать и борщи тебе варить. Ты ж будешь жить всю жизнь на одну зарплату, а это значит, что стиральную машину мы купим только через лет 18, когда у меня на шее будет сидеть высоковозрастный балбес с двумя детьми, и кормить меня обещаниями о написании своей диссертации, а я буду в это время стоять раком и стирать в ванной комнате твое грязное белье, под пристальным взором твоей мамы, потому что жить мы будем у нее. А мне, поверь, раком, тобишь в коленолоктевой позе, хочется стоять совсем по другому поводу и в другом месте.

Или так: тебя же, не ровен час, посадят, ты что прикажешь мне тебе пирожки 5 лет в тюрьму носить, 2 раза в месяц тебя в комнате свиданий посещать...

А тем, которым я была готова выдать монолог типа: «ты знаешь, ты человек, которого я ждала всю свою жизнь. Я хотела бы стать твоей женой», те почему-то до сих пор сами удалялись.

Но Мишку утаить от родителей было невозможно. Во-первых, как можно утаить человека, который забирает тебя каждый день на собственном автомобиле. И это еще в почти совет-

ское время. При своих родителях он мог себе позволить иметь собственное авто. Папа у Миши был очень знаменитым Адвокатом. Как раз в начале хозрасчетных отношений между предприятиями и бандитами, его квалификация нашла огромный спрос. А мама была человеком, к которому выстраивалась очередь, из представителей городских властей, подпольных бизнесменов, работников торговли, и прочих денежных мешков. Была она очень крупным специалистом и заведующей венерологическим отделением городской больницы. И кроме всего этого, когда молодой человек звонит в Дверь с огромным букетом цветов, и встретив на пороге мою маму, говорит ей это вам уважаемая Зинаида Васильевна, и нежно целует ей ручку, торчащую из под слегка засаленного халата, а потом в беседе, за чашкой чая, рассказывает о себе, что он потомственный адвокат, и что учится он на юрфаке и скоро заканчивает и скорее всего с отличием, и что на машину он сам заработал, тем что отцу в его юридической практике помогал. Правда отец доплатил приличную сумму, но пользуется он этой машиной для дела, поэтому решили не поскупиться на растраты... Ну и еще много таких вещей, которые у каждой будущей тещи вызывают невероятный полет фантазий. Здесь хочешь не хочешь, а начнешь строить планы на внуков.

Любила ли я Мишку? Я до сих пор не могу ответить себе на этот вопрос, скорее он мне практически не оставил пространства для маневра. Он окружил меня таким вниманием, что у меня просто не было другого выхода. Я была у него как Штирлиц под колпаком у Мюллера.

На этом месте, дорогой мой железный друг, я должна рассказать тебе про Димку. Димка был известным во всем районе хулиганом. О его подвигах местные мальчишки слагали легенды. Говорили, что он даже Севу седого не боялся. Если бы меня интересовали подобные подробности, я бы немедленно поинтересовалась, кто такой этот Сева, почему он седой, и какие есть причины, чтобы его бояться или не бояться. Но, так как Димка жил со мной в одном районе параллельной жизнью, никак со мной не пересекаясь, меня ни седина Севы, ни их личные отношения с Димкой никак не волновали, я все эти подробности знаю только понаслышке. Кроме этих достоинств, Димка обладал белозубой улыбкой, и ямочками на щеках. Его выющиеся черные волосы, и темные как ночь глаза, заставляли вызывать активное выделение гормонов у всего женского состава нашего района в возрасте от 16 до 22 лет. Однажды, дело было вечером, я возвращалась с очередной вечеринки. Мишка тогда был в отъезде со своим отцом, и я прекрасно проводила время, пользуясь свободой и хорошей погодой. Возле моего подъезда мне пришлось оглянуться, потому что со стоящей напротив лавочки меня догнало «эй шалава, а ну тормозни-ка». Я слегка опешила от недоумения. Я предполагала, что рядом с моим домом такое произойти просто не могло по определению. Все прекрасно, знали, что у меня папан служит в милиции. Он хоть и сделанный милиционер, и не всегда ровно ходит, но, тем не менее, никто не осмеливался на меня даже криво посмотреть. Обернувшись, чтобы увидеть в лицо этих смертников, я увидела группу из трех молодых людей. Новая молодежь – турецкие майки и джинсы указывали на их явную принадлежность к новой социальной прослойке. Это были еще не бандиты, но уже и не хулиганы. Тогда часто можно было встретить подобного типа молодцев, иначе их просто никак не назовешь. Если раньше находились экземпляры, мечтающие попасть в Афганистан, чтобы, выполнив свой интернациональный долг перед родиной прийти, если повезет, живым и со знанием выполненного долга... Нынешние молодцы почуяли, что и на родине есть поле битвы, на котором можно себя проявить. Желаящие, старательно начали вступать в бандформирования, с целью обеспечить себе беспечную жизнь и, как выяснилось позже, легкую смерть. При этом все вокруг поголовно стали искать варианты, как бы не пойти в армию, потому что особой популярностью эта организация среди молодежи пользоваться перестала. Ежегодное «повернитесь спиной, наклонитесь, и раздвиньте руками ягодицы, встаньте повернитесь обратно и оголите головку члена», произносимое какой-то старой каргой-врачихой из военкомата перестало доставлять удовольствие

ствие молодым парням. Если раньше девушке работавшей на конвейере консервного завода даже в голову не могло прийти связаться с пареньком, отлынивающим от армии, то сейчас этот паренек забирал ее на Жигули с работы, выглядел вполне аккуратно и подтянуто, носил брюки аля бермуды, занимался спортом, водил ее по всяким пирожковым и был человеком при деле. И что немаловажно, зарабатывал в месяц в три раза больше, чем родители этой девушки за год. Ему частенько приходилось отъезжать с товарищами для выяснения важных дипломатических отношений с другими товарищами такого же ранга или в основное рабочее время он стоял в общественном месте и торговал валютой, золотом, наркотиками или надувал своих сограждан с помощью хитро продуманных и хорошо отработанных комбинаций. Бывало, что просто при помощи грубой силы помогал людям расставаться с денежными знаками.

Вот тройка из таких рыцарей нового времени сидела сейчас на лавочке перед моим подъездом и пыталась завести со мной светскую беседу, начав диалог с «эй шалава».

Если быть честной до конца, я слегка растерялась и в начале нашей беседы не знала, что ответить на столь вызывающее обращение. Где-то, совсем глубоко, я уже просчитала для себя все варианты развития событий и подумала, что мое лицо сейчас может сильно пострадать, если я начну вести себя с ними резко. Мой папа, хоть и был милиционером, но он был сейчас на даче с мамой, а во-вторых, папа был бы потом, а мое нежное личико могло запросто пострадать прямо сейчас. Поэтому я решила пустить в ход вежливость и такт.

– Ты на кого свое ебло раззявил, хуйло тупорылое, – сказала я и поняла, что мое дворовое воспитание взяло верх над моим университетским образованием и здравым смыслом.

– Че ты там прокудахтала, курица, да ты охуела в натуре- прогундосил один из них, когда все трое уже направлялись в мою сторону.

В этот момент я подумала, что хоть и проявила сейчас верх мужества и отваги, но о дальнейшем стратегическом развитии данной конфликтной ситуации как-то не задумалась. Они быстренько подошли ко мне, один схватил мою сумочку, второй начал меня трясти и что-то мне кричать в ухо. За пеленой тумана, который замутил в тот момент мое сознание, я поняла, что он обещает заняться со мной любовью в извращенной форме. Второй в это время добыл мой кошелек, и проверял его внутренности на мою кредитоспособность. А дальше было, как в кино. Из соседнего подъезда вышел Димка. Значительно позже он мне рассказал, что там жил один торгаш, которому он сносил для продажи кожу, которую выносил с обувной фабрики. Димка, в свое время, закончил ПТУ по пошиву обуви, поэтому ходил всегда в самой крутой кожаной куртке и самых модных штиблетах. Все это он шил сам из материалов, одолженных у государства. Мало того, он умудрялся одалживать еще и на дальнейшую продажу, обеспечивая себе и своей семье небольшую финансовую помощь.

Увидев такой разворот событий, Димка подошел к месту конфликта и с такой силой зарядил, тому который тряс меня прямо в подбородок, что боец от неожиданности упал на колени и уткнулся лицом в асфальт. Я оказалась на свободе, а моя сумочка от такого разворота событий выпала у второго из рук.

– Парни, мне кажется, вы заблудились – сказал мой спаситель. Причем с такой стальной ноткой в голосе, что мне самой стало страшно, хоть я и понимала, что в данный момент он вроде выступал на моей стороне.

– А ты кто такой – Спросил у Димки, тот который досматривал мое имущество.

– Я думаю, что, если я тебе стану это объяснять, это может принять для тебя летальный исход. И если ты по призванию физик теоретик, мы сейчас можем провести подобный научный эксперимент. Димка стоял прямо напротив своего противника, смотрел ему глубоко в глаза и излучал, какую-то невероятную силу и спокойствие. От этого мне стало уютно и тепло на душе, что рядом оказался такой человек, такой экспериментатор.

Больше я за их словесными перепалками не следила. Через некоторое время, ребята, судя по всему, решили оставить меня с моим защитником наедине и удалились, унося под мышки своего товарища с поврежденным лицом.

Что мне во всем этом понравилось еще больше, так это то, что мой спаситель, поинтересовавшись моим именем, взял меня под руку и повел. Я не спросила, куда мы идем, и зачем, в этот момент мне было все это все равно. Я уже знала, что Мише не долго оставалось ходить с безрогой головой. Димочка завел меня в пустынное место между гаражами и мы долго целовались там на лавочке. После этого, зная, что мои родители на даче, я пригласила его к себе домой – попить чаю. Мне не хотелось разыгрывать из себя светскую недотрогу, умничать по поводу моего неоконченного высшего образования или пытаться влюбить его в себя. Я хотела просто насладиться моментом. Когда я начала открывать дверь ключом, с другой стороны послышались шаги и дверная ручка сама двинулась под моей рукой вниз. На пороге стоял мой нетрезвый папа в семейных трусах и в майке, а-ля бодибилдер сдулся.

- Папа, а разве вы не на даче – пролепетала я от неожиданности.
- А это кто там за тобой прячется, прохрипел папа сквозь завесу перегара.
- Никто выпалила я, и захлопнула дверь.

В тот момент я испытывала такой драйв и возбуждение, что отступить было уже некогда. Мы забрались на чердачный этаж, и старые коробки, стоявшие там уже целую вечность, сделали свое последнее полезное дело, послужив нам на некоторое время постелью. Я старалась лезла из кожи вон, чтобы ублажить этого самца, а он кинул мне после всего этого: «Увидимся, крошка», поцеловал меня в щеку и ушел. Спокойной такой, вальяжной походкой.

В эту ночь я не могла уснуть. Во мне все кипело и бурлило, я его и ненавидела и любила одновременно, ну не то чтобы любила, но тягу к нему я все же испытывала. Только не могла сама себе объяснить почему. Вроде поступил со мной по-хамски, ушел даже ничего не сказав, а с другой стороны, он мне ничем не обязан, скорее наоборот... Как же мне теперь быть с Мишкой? А если он все узнает? Хотя этот вопрос был не самым важным в ту ночь. Что я скажу ему, если встречу его еще раз? Буду строить из себя обиженную, буду ломать комедию с любовью, или просто пошлю его подальше. Все эти мысли своим броуновским движением всю ночь не давали мне уснуть. Под утро, я решила, что какая никакая, а честь и личное достоинство у меня тоже имеются, и поэтому при личной встрече, я буду неприступна, как снежная королева.

Со среды до субботы протекли самые обидные и самые ужасные дни моей жизни. Этот гад не появился. По ночам и днем на лекциях я думала только об одном – вот он появится возле моего дома, будет сидеть на лавочке и ждать меня, а я приду, и оболью его жидким азотом, из своих измученных бессонницей глаз. А потом, когда он замерзнет, разобью его щелчком пальца на мелкие осколки. После чего развернусь и спокойной размеренной походкой пойду домой. Но его не было. В субботу я с подругами решила пойти на нашу районную дискотеку. Там я снова пересеклась с ним, с Димой.

- О привет малышка, как дела, как ни в чем не бывало спросил он.

Если быть откровенной до конца, я уже и не знаю, куда делась вся холодильная жидкость из моих глаз, которой я намеревалась его окатить. Но через полчаса и пару сильно алкогольных напитков, я уже занималась с ним в туалете дискотеки сексом.

После этого он пригласил меня потанцевать. Этот танец был огнетушительной пеной, которой он прошелся по огню моего возмущения и ненависти. В этот момент я успокоилась, и поняла, что этого жеребца я в конюшню я не загоню. Мы стали время от времени встречаться, проводить приятно и менее приятно время. Раз он меня водил в кино и на местные тусовки, а иной раз заводил меня в свободную комнату ментовского общежития, и мы там долго занимались тем, что так хотелось бы назвать любовью...

Прошло время, деревья успели сменить наряды белоснежных невест на платья салатных молодых девиц, а после по старушечьи обрядились в яркие сверкающие разными цветами платья. Я закончила свой институт. Училась, я надо признаться, хорошо и в дипломе у меня стояли хорошие оценки. Поэтому мне легко, но, разумеется, не без блата, удалось разыскать себе неплохую работу. Блатом оказалась Мишина мама. Она позвонила одному высокопоставленному торговому работнику, который пару раз спасал свое физическое здоровье и семейное благополучие в ее медицинском учреждении. И я стала заместителем заведующего большого универмага. В нашем универмаге части торговых площадей начали сдавать в аренду. Одним из моих основных заданий было следить за распределением площадей и за получением арендных денег. Это и еще несколько невинных промыслов «слева» начали приносить мне немалую прибавку к зарплате. С Димкой я по-прежнему встречалась, мне было хорошо с ним, но бывшая страсть растаяла. Он стал доступным, предсказуемым, начал вести себя со мной как средне-статистический мужчина ведет себя со своей девушкой. Мне кажется он ко мне привык, и ему хотелось после его сумасшедшей хулиганской жизни какой-то тихой гавани. Что бы ему там стирали носки и варили борщи, хотя напрямую он мне этого и не говорил. А я тоже старалась избежать подобного исхода, во-первых, потому что у меня был Мишка, а во-вторых, я понимала, что если Димка пристанет к своей гавани, то мне от всей моей морской романтики только и останется, что торчать на камбузе и драить гальюны. Я помогла Димке снять в нашем универмаге небольшую будку, в которой он расположил свои инструменты и стал чинить обувь. Дела у него шли относительно неплохо, на его заработки нельзя было жировать, но можно было прожить и несколько раз в неделю пригласить меня на обед в нашем универмаговском кафе. Когда я приходила к нему, он закрывал свою будку, шел мыть черные от клея и резины руки, и мы отправлялись пообедать вместе в какое-нибудь недорогое заведение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.